

Глава 1. Реалити-шоу в прямом эфире

Разгар лета, каникулы. Пока другие наслаждались прохладой под кондиционерами, даже те, кто мучился в офисах, не обливались потом так, как съемочная группа в этом богом забытом уголке. Кому вообще пришло в голову снимать реалити-шоу в такой глуши?

Яркий солнечный луч упал на нежную, безупречную кожу молодого человека. Тот прикрыл лицо рукой, с нескрываемым раздражением всматриваясь вдаль.

Кун Я буквально кипел от ярости. Год перевалил за середину, а он так и не получил ни одной стоящей роли в крупных проектах. Совсем недавно он два месяца обхаживал продюсеров нового фильма, претендуя на роль второго плана, как вдруг место увел какой-то выскочка-новичок. Ему же, Кун Я, милостиво предложили роль пятого плана.

Он, даже если не брать в расчет накрученных ботов в социальных сетях, оставался востребованным кумиром с десятимиллионной армией фанатов. За все годы в индустрии он ни разу не опускался до ролей пятого плана. Поэтому, не дожидаясь решения менеджера, он лично позвонил продюсеру и ответил резким отказом. Последние полмесяца он изнурял себя тренировками в спортзале, ожидая начала съемок шоу «Семьдесят два часа».

Кто бы мог подумать, что съемки первого эпизода занесут их в такую дыру, куда после самолета нужно трястись десять часов на машине, а потом и вовсе пересаживаться на местный электротранспорт, потому что дороги заканчиваются.

Мужчина средних лет, сжимая в руке связку ключей и прижимая локтем пухлую папку с бумагами, поспешно подбежал к нему.

— Ну можно побыстрее? — проорал Кун Я во все горло. — Жарища невыносимая, что за дыра!

Когда до цели оставалось метров десять, Юй Мин замедлил шаг. Подойдя ближе, он похозяйски обнял юношу за плечи, понизже натянул ему на лоб бейсболку и, пошарив в огромной брендовой сумке, достал солнцезащитные очки.

— Да угомонись ты уже, мой юный господин. Надень очки, а не то фанаты пронюхают, и нас обоих смешают с грязью так, что вовек не отмоемся.

Кун Я пренебрежительно вскинул подбородок и фыркнул:

— Это меня смешают, а тебе-то чего бояться?

Он уже собирался отчитать помощника, но Юй Мин, который был старше его на добрый десяток лет, бесцеремонно подтолкнул его в спину, заставляя войти в старинные деревянные двери.

Гостиница, в которой они остановились, была всего в четыре этажа, но по местным меркам считалась верхом роскоши. Именно здесь должны были собраться все участники самого популярного на данный момент шоу — «Семьдесят два часа».

Это шоу называли «всемирным» не только из-за рейтингов, но и из-за небывалого уровня вовлеченности зрителей.

Когда в стране только появились первые реалити-шоу, они мгновенно покорили искушенную публику своей новизной и забавными конкурсами. В сериалах актеры лишь примеряют на себя маски персонажей, но в реалити зритель видит живого человека. Людям нравилось наблюдать за их соперничеством, сопереживать их слезам, и особенно — злорадно посмеиваться, когда безупречные кумиры попадали в нелепые ситуации и теряли лицо.

Звезды переставали быть недостижимыми образами, превращаясь в обычных людей.

За десять лет жанр пережил немало потрясений: от временных запретов властей до громкого скандала пятилетней давности. Тогда в популярной передаче «Вперёд, вперёд, вперёд!» во время испытания по прыжкам в воду один из зрителей заснял, как топовых участников заменяют дублеры. В одночасье поползли слухи, что у всех шоу есть сценарии, а всё «настоящее» — лишь результат монтажа и игры на публику. Рынок лихорадило три года. Зрители вооружились «микроскопами», придирчиво выискивая фальшь в каждом жесте знаменитостей.

Теперь даже проверенные приемы вроде любовных линий или бромансов работали слабо. Людям хотелось правды.

«Семьдесят два часа» в корне отличалось от всего остального. Это было реалити в прямом эфире.

Как следовало из названия, за эти трое суток невозможно было прописать сценарий или что-то вырезать. Трансляция шла одновременно на спутниковом ТВ и четырех крупнейших стриминговых платформах: Сюнмао, Фую, Цзиньсыхоу и Байлан. Разница заключалась лишь в том, что по телевизору картинка шла с пятиминутной задержкой, а внизу экрана бегущей строкой пускали самые популярные комментарии из чатов.

Чтобы увидеть свое мнение на государственном канале, зрители проявляли чудеса остроумия, буквально заваливая платформы сообщениями. Каждую субботу телеканал провинции Н транслировал шоу в течение четырех часов. Сезон состоял из восемнадцати выпусков и длился четыре с половиной месяца.

Режиссер Ли Юньхуэй, вернувшийся из-за границы два года назад, запустил этот проект, и его рейтинги вскоре вплотную приблизились к вечерним новостям центрального телевидения.

Эту ночь участникам предстояло провести в той самой четырехэтажной гостинице. Пятеро

постоянных ведущих до самого ужина не знали, кто составит им компанию, как не знали и о том, что в этот раз шоу подготовило сюрприз: прогрев на стриминговых платформах начался еще до официального эфира на ТВ.

Заходя в свои номера и видя камеры, расставленные по четырем углам, звезды не придавали этому значения. Контракт подразумевал тотальную слежку. Но никто из них не подозревал, что каждое их движение уже транслируется в сеть.

К восьми вечера на платформе Фую собралось три миллиона зрителей. К половине девятого их число перевалило за тридцать миллионов.

Перед монитором компьютера сидела двенадцатилетняя девочка. Сбросив огромные наушники, которые едва держались на ее голове, она вскочила со стула и босиком бросилась к холодильнику.

Хлопнула входная дверь. Вэнь Шиюй замерла. Она стояла на коленях на резном кресле, выглядывая из-за дверцы холодильника. Увидев, кто пришел, она радостно вскрикнула и кинулась к дверям.

Мужчина, которого она едва не сбила с ног, успел ухватиться за обувницу. Он с улыбкой взъерошил волосы племянницы и поинтересовался, как поживают её родители.

Вэнь Шиюй послушно отвечала, не сводя глаз с дяди. Ему было тридцать два года, и в его коллекции уже значились два «Золотых льва» международных кинофестивалей и бесчисленное множество других наград, для которых в доме была выделена отдельная комната. В детстве Шиюй любила заходить туда и протирать кубки, но теперь блеск металла её не прельщал. Куда больше её интересовало лицо дяди, которое, казалось, светилось изнутри. Она обхватила Вэнь Жунси за шею и звонко поцеловала в щеку.

Чтобы не дразнить его ярых фанаток, она благоразумно решила не фотографировать этот момент.

Благодаря статусу племянницы «Киноимператора», на страницу восьмиклассницы Вэнь Шиюй подписались более ста тысяч человек. Её дядя был человеком скрытным, социальные сети не жаловал, поэтому фанаты стекались к ней в надежде урвать хоть кусочек его повседневной жизни. Когда её личность раскрыли, популярность Шиюй взлетела до небес.

Вэнь Жунси с притворным ворчанием поправил её прическу:

— Такая большая девочка, а всё ластится. Почему холодильник не закрыла? Что ты там искала?

Он прошагал к кухне и достал её любимое ванильное мороженое.

— И йогурт еще!

Схватив лакомства, Шиюй мельком взглянула на настенные часы, охнула и, шлепая тапками по паркету, умчалась обратно к компьютеру.

Жунси, посмеиваясь, расстегнул запонки и размял затекшую шею. Поприветствовав домашнюю прислугу, он отправился в ванную, которую личный ассистент успел подготовить к его приходу.

После ванны Вэнь Жунси не спеша выпил стакан ледяной воды и наложил тканевую маску. Проходя мимо комнаты племянницы, он заметил, как та, впившись взглядом в монитор, яростно колотит по клавишам. На её лице отражалась целая буря эмоций.

Заинтересовавшись, он подошел ближе. На экране всё дрожало и дергалось, камера явно была в движении, пока наконец не замерла, уставившись в обшарпанную желтую стену.

Шиюй строчила комментарии один за другим: «Кун Я совсем больной? Сам полез, а отдувается Сокровище! Бесстыжий!»

Затем последовало: «Бесстыжий! Бесстыжий! Бесстыжий!»

Вскоре весь экран заполнился армией разгневанных фанатов, скандирующих то же самое.

Вэнь Жунси тронул племянницу за плечо. Шиюй вздрогнула. Дядя мягко снял с неё наушники и увидел, что девочка едва не плачет от ярости.

— Кто это — «Сокровище»? Неужели я больше не твой любимый дядя? — Жунси был вторым сыном в семье, Шиюй — дочерью его старшего брата. Каждое лето она проводила у него в гостях.

— Ой, дядя, не до шуток сейчас! — Шиюй не отрывала глаз от монитора. Увидев комментарий «Кун Я — красавец и талант, а фанаты Цинь Бао — просто мусор», она едва не сорвалась на ответную ругань, но вовремя вспомнила о присутствии Жунси. Она насупилась и посмотрела на него огромными, полными слез глазами. — Это мой любимый актер, Сяо Гэ Цинь. Он участвует в этом сезоне «Семьдесят два часа». Сегодня была пре-трансляция. Он разговаривал с Юй Ци, а этот Кун Я прошел мимо с чашкой кипятка и специально его толкнул! На улице и так пекло, а у него вся рука красная от ожога! Мы всё видели, а фанатки Кун Я врут, что это наш Цинь Бао сам под него подставился! Людей за дураков держат!

Шиюй всхлипнула.

— Съёмки проходят в какой-то глухой деревне, завтра им на жаре в поле работать... Вдруг там даже мази от ожогов нет?

Она вдруг замерла, в ней вспыхнула надежда.

— Дядя, ты же Киноимператор, ты всё знаешь! Скажи, где снимают этот выпуск? Можно как-нибудь по знакомству меня туда провести? Хоть издалека посмотреть.

В этот момент камера переключилась на женскую комнату. Девушку на экране Жунси узнал — Юй Ци. Они работали вместе над одним проектом; она играла эпизодическую роль и не имела с ним общих сцен, но он запомнил её как способную и симпатичную актрису, чья карьера сейчас шла в гору.

— Конечно, нет, Шиюй. Продюсеры этого шоу и ко мне обращались. Секретность — их фишка. Места съемок держатся в строгом секрете, территория оцепляется, и посторонним туда вход заказан.

— Даже тебе нельзя?

Жунси элегантно улыбнулся:

— Даже мне. Когда этот стрим закончится?

— Через два часа, в одиннадцать. — Она умоляюще сложила ладони. — Можно я досмотрю?

— Можно. Но завтра подъем всё равно в шесть.

— Ура! Дядя, ты лучший! — Шиюй мгновенно вернулась к экрану, набирая розовым шрифтом: «Сокровище, держись! Ты лучший! Смажь руку мазью!»

Жунси не помнил, чтобы племянница когда-то так фанатела по кому-то. Оказалось, она просто ждала своего героя. Теперь же все её соцсети были забиты постами о молодом артисте по имени Цинь Бао. Даже в его, Жунси, блоге подписчики шутили, что «господин Вэнь» потерял расположение любимой племянницы. Сам Жунси часто заходил в сеть, но предпочитал оставаться в тени, не оставляя комментариев.

Поднявшись к себе, он собирался лечь спать — завтра предстоял тяжелый съемочный день. Но сон не шел. Жунси сел в кровати и открыл ноутбук.

Прямой эфир?

Когда стриминги только входили в моду, он был слишком занят карьерой, чтобы обращать на них внимание. Он искренне не понимал, как можно часами смотреть на то, как кто-то ест шашлыки перед камерой. И уж точно Вэнь Жунси не ожидал, что наступит ночь, когда он сам откроет платформу, которую когда-то презирал.

Аккаунт был не его. Он попросил логин у своего ассистента, который частенько коротал время за стримами на съемочной площадке.

Организаторы «Семидесяти двух часов» приглашали его еще на стадии разработки. Но тогда он не мог выкроить время, да и участие в шоу не входило в его планы — он предпочитал серьезную работу над ролями. Пять лет назад он был просто востребованным актером, которому не хватало пары весомых наград. Последние годы он пахал без продыху, а позапрошлый год и вовсе стал пиком его продуктивности. Его называли «Королем прайм-тайма».

Теперь же, после получения двух престижных международных премий, его величали не иначе как «господин Вэнь».

И вот сейчас этот самый «господин Вэнь», лежа в своей огромной постели в пустой комнате, зашел на Фую под ником «Щебечущий и болтливый». Увидев это имя, Жунси невольно поморщился.

Экран тут же захлестнула волна гневных лозунгов: «Кун Я должен извиниться!» С трудом отыскав кнопку отключения субтитров, он очистил картинку.

На экране появился молодой человек. На его бледной руке отчетливо виднелось багровое пятно ожога. Жунси невольно нахмурился.

Сотрудник шоу помогал парню обрабатывать рану. Закончив, Цинь Бао поднял голову. Вид у него был немного потерянный, волосы растрепаны. Он вежливо поблагодарил ассистента.

Вглядевшись в это лицо, Жунси на мгновение задержал дыхание. А затем быстро набрал сообщение своему менеджеру Го Маоли.

Го Маоли, который наконец-то выбрался домой и уже начал проваливаться в сон, вздрогнул от звука уведомления. Для «своего сокровища» — Вэнь Жунси — у него стоял особый рингтон. Приоткрыв один глаз, он прочитал: «Как звали того парня, который анонимно оплатил операцию матери Ли Мина?»

Сон мгновенно улетучился. Маоли сел, лихорадочно соображая, и наконец, когда в голове прояснилось, быстро напечатал ответ: «Цинь Бао. Третий молодой господин Цинь. Два года назад прошел кастинг в фильм "Эпоха процветания" режиссера Лю Пэя, дебютировал в роли второго плана. Что-то случилось, господин Вэнь?»

Го Маоли тщательно проверил текст на ошибки и только тогда нажал «отправить». О том, почему Вэнь Жунси среди ночи вдруг решил поинтересоваться судьбой новичка, он спрашивать не рискнул.

Не дождавшись ответа в течение получаса, менеджер решил, что это был минутный порыв и Жунси уже спит. Он снова улегся, перебирая в голове скудные факты о Цинь Бао.

Этот парень был одним из самых ярких «фрэшменов» индустрии. Всего за два года он набрал десять миллионов подписчиков и сейчас был на пике популярности. Проблема была лишь в отсутствии серьезных работ. Контракт с посредственным агентством Фэньюй Чуаньмэй, у которого вечные проблемы с пиаром, — не лучший вариант для участия в жестком реалити. Такое шоу дает огромную узнаваемость, но и «черного пиара» там хоть отбавляй. Без скандалов рейтингов не бывает.

Маоли зевнул. В конце концов, за один такой эфир парень получает больше, чем сам менеджер за год. Нечего о нем и беспокоиться.

<http://bllate.org/book/17537/1700187>